Примагниченное к полюсу добра

Георгий Полонский

Будем исходить из того, что признания в сокровенном ближе к искусству и интереснее читателю, чем отчет о творческой деятельности. К тому же у литератора, у драматурга такой отчет связан с унылой необходимостью составлять аннотации: написал я, дескать, сценарий о молодом человеке на распутье, о поисках им места в жизни... Или: пишу об учительском призвании, о том, как его открыл в себе человек, проклинавший тот случай, благодаря которому он оказался в пединституте и в школе...

Поэтому я скажу о другом. О любви к герою.

Герой мне дороже сюжетного «анекдота». Я ловлю себя на том, что даже в детективе мне интереснее характеры, повадки, эмоциональные состояния Шерлока Холмса и комиссара Мегрэ, чем результат расследования. Куда спешить, все будет разгадано,— но как прелестны у Мегрэ его телефонные разговоры с женой, его демократизм, достоинство и усталость, его ставка на внутренний голос вопреки множеству улик! Все забылось в фильме «Свидетель обвинения», а фигура Чарлза Лоутона, его сигара и монокль, его абсолютно непричастные к делу плутни с лекарствами и выпивкой — это встает в памяти, словно видел картину вчера...

Если на экране человек, которому мы успели поверить, если роль и актер талантливы, мне бывает досадно, что интрига не снабжена стоп-краном! Пусть она подождет, пусть даст герою время половить шляпой солнечный зайчик, потолковать с ребенком или со стариком на какую-то «внеплановую» тему... Человек и в этом проявится, если он человек, а не фишка. Личность не может до конца исчерпываться внешним деянием — это было бы слишком просто, на уровне ловкой, «техничной» драматургии.

Спору нет — надо чувствовать, когда и в какой мере эти «солнечные зайчики» уместны, надо «держать» зрителя, вкусы которого полярны вышеозначенным, да и я не усижу на картине, где действие подменено многозначительной претензией на полутона, обертоны... Конечно же, решает содержание, пафос, сюжет,— но сюжет, как условились теоретики, несводим к интриге: он — цель, он — это человек и мысль о нем, а она — только служанка этой цели. Во многих серых фильмах, по моим наблюдениям, интрига, не довольствуясь своей скромной ролью, вытесняет и авторский пафос и человека. Это в порядке вещей: «анекдот» придумать легче, чем открыть характер. Даже анекдот с проблемной нагрузкой...

А в чистом осадке нашей памяти, нашего душевного опыта остается все-таки человек. Максим Б. Чиркова и Губанов Е. Урбанского, Паша Строганова И. Чуриковой и скромный трубач из оркестра, сыгранный Р. Быковым, Машенька В. Караваевой и ульяновский председатель... Из конкретных ситуаций своей драматургии они выросли и ушли «в люди», словно сами по себе,— с ними случилось самое счастливое чудо, какое может дать искусство.

Но общих рассуждений достаточно.

Мои герои, рожденные после фильма «Доживем до понедельника», никуда еще не ушли, все тут, в комнате... Одних ращу и воспитываю, другие уже не зависят от меня: приписать им неорганичную фразу или неточное действие нельзя: сопротивляются.

Вот учительница из сценария «Перевод с английского»— характер, требующий очень деликатного обращения. Это женщина больная и хрупкая, но для нее уход на пенсию, разлука с детьми — катастрофа, конец... Не сомневаюсь, что она, как Януш Корчак, пошла бы на гибель ради детей — и это был бы поступок естественный, как дыхание... А ребята не всегда добры к ней: считают старомодной, пользуются ее слабостями. В классном журнале страница ее предмета — вся в точках: каждая точка — это и. о. двойки, которую старушке поставить трудно и больно, лучше уж она поверит ученику в кредит, спросит в другой раз...

В ней живет и требует выхода пафос. «Нажав» на участкового врача, чтобы тот закрыл ей бюллетень, она приходит в класс и говорит:

— Мне скрасили эти дни чеховские письма. Это ни с чем не сравнимое чтение! Ох, друзья мои, растите скорей: вас ждет такое умное, такое грустное наслаждение, как Чехов...

Я слышу ее голос, он очень похож на голос М. И. Бабановой.

Я слышу ответный каверзный смех семиклассников, мне досадно писать ремарку про этот смех, но приходится. Будем надеяться, что зритель останется серьезным, разберется, что к чему... Да, на седой голове учительницы незримо сидит медный тазик брадобрея — тот, что украшал великого горемыку из Ламанчи. Я ничего не заимствовал у Сервантеса, я просто знал такую учительницу — и не мог не написать ее...

Вообще люблю чудаков, без них в искусстве избыток холодной логики и дефицит человечности.

Вот еще один представитель этого племени — мальчишка-врун. Лгать, как все мы узнали от мам, грешно и стыдно, а все-таки я рискну заступиться за этого мальчишку. Дело в том, что его выдумки — это смесь из реальных политических тревог нашего времени, детской детективной игры и серьезного нравственного посыла: помочь людям в далекой, охваченной террором стране. Письмо о т т у д а, которое он приносит в класс, оказывается написанным самому себе! Пока письму верили, был великий энтузиазм... Но вот химера лопнула, и одноклассники обрушивают всяческие кары на голову ее автора. Не потому, что врать грешно, а потому, что страстно хотелось верить...

Кстати сказать, светловский хлопец, мечтавший освободить «Гренадскую волость», тоже был выдумщик: под этими стихами дата —1926 год, пройдет еще десять лет, прежде чем такие парни понадобятся в Испании и будут гибнуть там на самом деле... Если в родословной моего врунишки обнаружится а т а связь, тогда пусть даже упрекают во вторичности — не страшно.

Эти два героя — стар и млад — романтики; их легко объявить нетипичными, неизнестойкими, их легко не понять, но они изначально примагничены к полюсу добра.

Я рассказал здесь только о двух персонажах, но, думаю, не в числе дело.

В чем высшая радость драматурга, в чем смысл его труда?

Жить среди растущих героев, видеть, что они уже могут без тебя обходиться, и тогда выводить их в люди, в общество... Кто-то уйдет навсегда и только будет, как счастливчик, подмигивать тебе с рекламных плакатов на улице. Кто-то вернется домой непризнанный, обделенный любовью...

Важно в конечном счете, чтобы они были живые. И, разумеется, чтобы зритель узнавал их не из авторских интервью и обещаний, а непосредственно в лицо, с киноэкрана!